

РАЗДЕЛ IV. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ, НАУКИ И ТЕХНИКИ

УДК 167.7

Вьялкин С.А.

Вологодский государственный педагогический университет

О СОПОСТАВИМОСТИ ТОТАЛИТАРНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО И ЭЛЕКТРОННОГО СЕТЕВОГО ДИСКУРСОВ

S. Vyalkin

Vologda State Pedagogical University

ON TOTALITARIAN ARTISTIC AND E-DISOURSE COMPARABILITY

Аннотация. В статье рассматривается сопоставимость тоталитарного художественного и электронного сетевого дискурсов как предпосылка для разработки единой методологии эпистемологического и лингвистического исследования поликодовых единств, содержащих вербальные и невербальные элементы. Устанавливается влияние контекста на конститутивные и функциональные свойства поликодовых единств в процессах познания и именования. Особое внимание уделяется проблеме индивидуальности и коллективности в процессах именования, а также построению краткой типологии дискурсивных практик.

Ключевые слова: поликодовое единство, вербальный код, невербальные коды, контекст, тоталитарный художественный дискурс, электронный сетевой дискурс.

Abstract. The article deals with the comparability of a totalitarian artistic and e-discourse as a prerequisite for the development of common methodology for epistemological and linguistic research of poly-code units, containing both verbal and non-verbal elements. The effect of context is stated on the constitutive and functional properties of the poly-code units in cognitive and naming processes. Special attention is paid to the problem of individuality and collectivity in naming processes and a brief typology of some common discursive practices is developed.

Key words: poly-code unit, verbal code, non-verbal codes, context, totalitarian artistic discourse, e-discourse.

Каждая эпоха для некоторой общности носителей языка имеет свои знаковые коммуникативно-информационные системы: сакральная живопись, религиозные музыкальные произведения, изобразительное искусство, радио, телевидение, сетевые электронные средства массовой информации, социальные сети и другие. При наличии этих средств культурно-исторический контекст

может транслировать любые устойчивые ассоциации вербальных и невербальных кодов, лежащих в основе именования: узуальные, идеологически желательные, продиктованные коммерческой выгодой и т. п. Собственно языковой контекст здесь – вторичен. Более того, с развитием электронной культуры, контекст приобретает качественно новые свойства, предъявляя иные требования к методологии лингвистических и философских исследований.

Индивид в цифровой среде, в средоточии электронной культуры преодолевает всё, что для него недостижимо в окружающем мире. Получив новую реальность вокруг себя, современный человек сталкивается с проблемой её освоения и описания. Однако процесс именования, один из первичных и важнейших в познании, запускается в обратном течении. Человек не ищет вербальное имя новому умозрительному образу. Номинатор попадает в иллюзорную виртуальную реальность с имеющимся лексическим «багажом». Знакомым вербальным единицам он подбирает новый образ с набором свойств, возможно, никогда ранее не присущих этому объекту в реальном мире. Аналогичная ситуация имеет место во всех тоталитарных дискурсах, где, сохранив привычный язык, идеологи подменяют понятия, а привычные объекты наделяются новыми желательными свойствами.

Любой идеологизированный дискурс основывается – если воспользоваться терминологией Ю. Хабермаса – на стратегическом типе поведения

одного из коммуникантов. Очевидно, что этим коммуникантом выступает “идеолог”, действия которого инструментально ориентированы и направлены на манипуляцию через научение. Под субъектом “идеолога” в равной степени можно понимать как отдельного человека, так и группу, и государственное начало в целом – в зависимости от типа и масштаба тоталитарной системы.

Следствием стратегического поведения “идеолога” – вопреки позиции Ю. Хабермаса [3, с. 91-92] – может являться утрата индивидуальной идентификации в пользу коллективной: по классовому, расовому, религиозному и другим признакам. Однако, наряду с процессами коллективной консолидации, известны случаи и апелляции к индивидуальному. Так, художественный дискурс Третьего Рейха обнаруживает развитую практику использования местоимений первого лица и глагольных конструкций второго лица, обращающихся к позиции индивида, что – следует отметить – было не характерно для соцреализма.

Стратегическое поведение в рамках относительно закрытой тоталитарной системы неограниченно долго может проявлять свою устойчивость, обнаруживая кризисные тенденции лишь при внешних интервентных воздействиях. Скрытое насилие системы как следствие стратегического поведения коммуниканта у Ю. Хабермаса признаётся неизбежным, но обеспечивает интеграцию общества, возможную лишь на путях коммуникативного понимания.

Экспликация референции и второяемость выражений одновременно в двух и более знаковых системах (например, вербальной и визуальной) служит поддержанию инвариантности, но оставляет обширные возможности для семантических манипуляций через целенаправленное изменение любой из составляющих. При этом создаётся иллюзия неизменности вербального языка, если корректируется визуальный знак; стабильности привычной иконографии в искусстве – если модифицируется языковой знак. Примечательно, что в последнем случае может параллельно измениться и визуальный знак, а постоянные средства выражения (т.е. художественные техники), способны отвлечь от собственно семантических изменений в иконографии. Разнообразие художественных школ и течений, таким образом, представляется крайне невыгодным тоталитарному дискурсу. Основным же результатом в данном случае является сохранение привычных для аудитории формальных сторон и языка, и искусства.

Крупные тоталитарные системы, известные мировой истории, «порывавшая с традицией», декларировали политику перемен, но предлагали при этом визуальный художественный канон, известный в искусстве когда-либо прежде. Также и языковые изменения, обращавшие на себя внимание и ассоциировавшиеся с установившимся новым порядком, носили достаточно поверхностный характер и никак не характеризовали тоталитарность языка. Внешние перемены в «тоталитар-

ном» языке, описанные, в частности, в работе Виктора Клемперера “LTI – Lingua Tertii Imperii” [5], носят сугубо риторический, и даже маскировочный характер. Подлинные изменения языка как инструмента познания лежат глубже – на уровне семантики.

Практика визуализации вербальной составляющей в тоталитарном художественном и сетевом дискурсах¹ – как методология семантических манипуляций – не является односторонним сообщающим процессом, так как она предполагает разнообразные ответные действия: реакцию адресата, приятие/неприятие формы и/или содержания сообщения, интериоризацию сообщённого и – как результат – воспроизведение и производство принятого содержания в соответствующей контексту форме. Это отнюдь не означает необходимости всякому адресату приобщиться к практическому художественному творчеству, но значительно расширяет возможности мероприятий пропаганды, позволяя минимизировать явное и непопулярное декларирование идеологических компонентов.

На этом аналогии электронного сетевого дискурса с тоталитарной культурной средой не оканчиваются. Оказавшись в средоточии избыточных электронных информационных потоков, номинатор вынужденно

¹ Под тоталитарным художественным дискурсом здесь понимается практическое взаимодействие вербального и визуального на примере официального изобразительного искусства в контексте тоталитарной культурной среды; под электронным сетевым дискурсом – практика взаимодействия вербального и визуального (в отдельных случаях – и других кодов) во всемирной сети Интернет.

ограничивает тематику, источники, качественные и количественные характеристики воспринимаемой информации. Индивид, проявляющий социальную активность в Интернете, способен распространить избранный формат (понимаемый как метод или шаблон информационной фильтрации) на некоторое сетевое сообщество, в котором состоит по интересам, профессиональной принадлежности или иному признаку.

Одним из ключевых факторов, сближающих тоталитарный и электронный сетевой дискурсы, является вопрос об индивидуальности и коллективности процессов языковой номинации. Тоталитарный художественный дискурс характеризуется в данном отношении латентной рассинхронизацией на несколько адресных информационных потоков, ориентированных на относительно узкие социальные группы. Так, например, в Германии 1930-40-х гг. одни и те же события культурной жизни описывались в различных изданиях, рассчитанных на разные группы читателей: военнослужащих, рабочих, крестьян, женщин, молодёжь и т. д. Массовость культурных мероприятий и тиражи изданий позволяют говорить о всеохватности воздействия на аудиторию. Рассинхронизация может состоять как в качественно различных наборах компонентов идеологической парадигмы, выраженных в сообщениях, так и в установлении временного отставания в предъявлении некоторого сообщения представителям различных групп. Это обусловлено разной

степенью готовности адресатов к восприятию информации или возможностью предложить информацию, изначально ориентированную на соответствие коллективным интересам данных общностей; элиминировать из активного обращения внутри некоторой группы тематику, потенциально вызывающую у членов группы недовольство, отторжение, желание прекратить коммуникацию. Так, в популярном журнале „Kunst dem Volk“¹, ориентированном на самую широкую аудиторию, вербальные и визуальные знаки-имена переосмысляемых идеологически объектов рассматривались в упрощённом описательном дискурсе со значительным временным отставанием от академических изданий для специалистов и представителей интеллигенции.

Не все аспекты окружающей действительности поддаются вербализации в акте именованности. Символьное содержание знака – метатекст, возникающий между вербальным и визуальным, – вмещает в себя объём понятия, значительно превосходящий вербальный элемент имени. Данный метатекст не нуждается в очевидной вербализации – в акте именованности он раскрывается как эстетическое и познавательное переживание индивидуального адресата. Значительно более интересным представляется вопрос об обретении «коллективности» данным феноменом. Сходное переживание одного события различными адресатами

¹ В рамках исследования рассматривались материалы массовых журналов „Die Kunst im Dritten Reich“, „Kunst dem Volk“, „Münchener Mosaik“, „Die Kunst“, а также ряда адресных изданий 1937-1944 гг.

нуждается во внешних дискурсивных практиках: толковании, конвенции или диктате.

В качестве примера толкования возможно рассмотреть сюжетное, композиционное, иконографическое сходство произведений православной сакральной живописи, сопровождаемой вербальными элементами. Изначально созданная для людей, не владеющих грамотой, икона дополнительно толковалась священнослужителями перед прихожанами. В единых условиях восприятия и духовного переживания, приоритетное здесь визуальное содержание накрепко связывалось со вторичным вербальным. При этом у всех одинаково мотивированных реципиентов формируется сходный метатекст, опосредующий связь визуального и вербального.

Конвенциональность в подобном соединении вербального и визуального некоторой группой людей применима к относительно узкой категории имён, обозначающих термины морали, коллективного регулирования, устойчивых традиций данной общности. Например, красная звезда на постсоветском пространстве ассоциируется с мужеством, патриотизмом, героизмом защитников Отечества, полностью утратив связи с античной «воинственной» пентаграммой. Другой пример: вербальный ряд «пристойный женский образ» визуализируется в различных этнокультурных общностях весьма по-разному. При этом не в каждой культурной традиции присутствуют вербальные указания, последовательно и безапелляци-

онно диктующие критерии данного образа, что позволяет нам рассматривать данный пример как конвенцию.

Диктат же, направленный на формирование единообразного восприятия поликодовых единств, шире всего представлен как общественная технология рекламы и пропаганды. Данная форма особенно эффективно оперирует ассоциированием любых чувственных ощущений человека с вербальным кодом. Известное своей подробностью и красочным содержанием рекламное предложение международной сети предприятий быстрого питания «Две мясных котлеты гриль <...> всё на булочке с кунжутом» задолго до демонстрации визуального ряда устанавливает прочную связь между вербальным именем данного продукта и ожидаемым вкусовым ощущением. К моменту, когда в этот рекламный дискурс включается ещё и визуальное изображение, члены целевой группы уже вполне единообразно усвоили метатекст о желанности и уникальности этого «эталонного бутерброда». Поликодовая аргументация как коммуникативное действие, направленное на изменение убеждений адресата через использование нескольких каналов человеческого восприятия, позволяет «диктатору» злоупотреблять доказательной логикой и переключать внимание адресата, не утруждаясь обоснованием, чем две котлеты вкуснее одной или трёх – переключившийся код (с органолептического на визуальный) убедит, вместо ответа на данный вопрос, что это просто красиво.

«Аргументация начинается с анализа иерархии ценностей адресата и

определения тех ценностей, которые имеют отношение к предмету аргументации (например, выбор “ближайшей” ценности)» [1, с. 142]. В вышеуказанном случае наблюдается намеренная дезориентация адресата путём быстрого переключения обращений к его ценностным эмоциям. Возможности поликодовой аргументации в реализации данного приёма практически безграничны.

Рассматриваемые здесь феномены тоталитарного художественного и сетевого электронного дискурсов представляют собой довольно сложные в плане применения вышеописанных дискурсивных практик явления. Развитые институты научно-популярной художественной критики Третьего Рейха, например, варьировали своё воздействие на массы от желательного, одобряемого толкования тематик и художественных образов в официальном изобразительном искусстве до диктата чётко ограниченной иконографии, спектра техник и жанров. Оппозиции, выстроенные по типу “одобряемое – неодобряемое”, имплицитно ранжируют и промежуточные значения, коннотируя их принадлежность к одному из полюсов [2, с. 32-33]. Последнее – непознаваемо вне контекста. Конвенциональность в этот период также прослеживалась: общество быстро восприняло новое искусство как примету нового времени и новых надежд на лучшую жизнь и согласилось в массе своей полагать это прекрасным.

Тоталитарность дискурса выражается и в целенаправленном форми-

ровании общего эстетического опыта членов общности путём последовательного и настойчивого предъявления ограниченного и систематизированного иконографического ряда, внутри которого и будет избран символ. Выбор визуальных форм при этом наличествует всегда, в то время как число вербальных соответствий существенно уступает типизированным вариантам визуального образа-иконы.

Сетевой электронный дискурс диктует избыточность информации. Адекватной ответной реакцией адресата является попытка сузить информационный поток вокруг себя. Всё большее количество сетевых инструментов служит единообразному толкованию. На всём Земном шаре пользователи Интернета за самой общей дефиницией искомого понятия обратятся к одному и тому же энциклопедическому ресурсу. Глобальные поисковые системы, располагая соответствующими инструментами, непреклонно диктуют «вероятные» продолжения вводимого запроса на любом языке. Развитие блогосферы и социальных сетевых инструментов акцентируют внимание пользователей на самых ярких событиях, объектах и информационных поводах. Предоставляя возможность обратной связи для обсуждения, комментирования и оценивания, социальные сетевые сервисы создают предпосылки как для толкования, так и для конвенции.

Культура и искусство в историческом процессе являются атрибутом сильной и правой стороны в противо-

поставлении идеологическому оппоненту. Однако в современности имеет место и иная позиция, где «умение считаться с человеческими слабостями и пороками, умение их показывать и умение их прощать» [4, с. 55] стало показателем подлинных художественности и культуры.

Искусство не бывает полностью свободным от идеологии. Подтверждением тому служит постоянная смена эпистемологических установок в художественном творчестве, аналогичная явлениям в вербальном именовании. Однако искусство может быть относительно свободным от *политической* идеологии и в этом случае именуется от сущего к языку, в то время как тоталитарный художественный дискурс направлен противоположно.

Рассматриваемые типы дискурсов оперируют поликодовыми знаками, изменяя референции в именовании и влияя тем самым на познание окружающей действительности носителями общего языка и культуры. Вопреки кажущейся на первый взгляд свободе, электронный сетевой дискурс обнаруживает немало общего с тоталитарным. В силу ряда технических причин первый располагает значительно большими возможностями по конструированию поликодовых единств, манипулирующих познавательной стороной процессов именования. Сопоставление тоталитарного художественного и электронного сетевого дискурсов применимо для разработки методологии изучения вопросов теории познания, поликодовой аргументации, прикладных аспектов со-

временной лингвистики, теории и истории искусства.

Одним из возможных эффективных инструментов в данном случае выступает системное моделирование (реконструкция) содержания и внутренних отношений поликодового единства (знака), понимаемого как совокупность вербального и невербальных компонентов с общим денотатом и коррелирующими сигнификатами, но формами внешнего выражения различной природы. Наиболее распространённым частным случаем поликодового знака является лингвовизуальный комплекс как единство визуального и вербального компонентов.

Моделирование сложного поликодового знака, его внутренних и внешних отношений позволяет полнее анализировать выразительные возможности кодовых систем, раскрывает имплицитное содержание и логические связи между материальными знаками и идеальным понятийным содержанием.

Построение моделей позволяет установить характер и способы взаимодействия поликодовых знаков в дискурсе, а их взаимное проецирование располагает широкими возможностями для эпистемологических, семантических и культурологических исследований.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брюшинкин В.Н. Системная модель аргументации // Трансцендентальная антропология и логика: Труды международного семинара «Антропология с

- современной точки зрения» и VIII Кантовских чтений. – Калининград, 2000. – С. 133-155.
2. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. – М.: Канон+, 2008. – 437 с.
 3. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / под ред. Б.В. Маркова. – СПб.: Наука, 2001. – 378 с.
 4. Якимович А.К. “Свой – чужой” в системах культуры // Вопросы философии. – 2003. – № 4. – С. 48-60.
 5. Klemperer V. LTI – Lingua Tertii Imperii: Notizbuch eines Philologen. – Berlin: Aufbau Verlag, 1947. – 348 S.